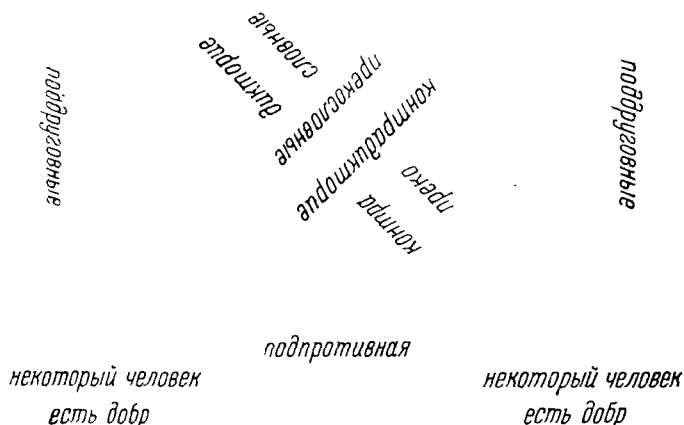

Такие антиаристотелианские строки могли внушить бодрость выговцам, знавшим, что «ученость» Киевской и Московской академий основана на Аристотеле.⁷⁶ В люллианских сочинениях выговцы надеялись найти оружие для состязаний с противниками, найти неизвестные этим противникам приемы логического спора и риторического «красногаложения».

Несмотря на такой антиаристотелизм, в люллианские сочинения, как мы уже отмечали, проникли некоторые элементы аристотелевского учения. Таковы категории, освещаемые в части VI «Великой науки» и в «Беседе о первой форме философской». Проникли сюда и элементы традиционной школьной логики, например так называемый логический квадрат, который иллюстрируется следующей схемой.⁷⁷

Таким образом, благодаря люллианским сочинениям русские читатели знакомы и с некоторыми понятиями, входящими в учебники логики вплоть до настоящего времени.

Таковы, как мне кажется, основные психологические причины, которые способствовали распространению люллианских сочинений в среде старообрядцев «поморского согласия». Их бытование в этой среде с полной очевидностью показывает, что мы имеем перед собою сочинения по логике и риторике. Но не следует забывать, что создались эти сочинения не там, а в основном в Москве. А потому возникают новые и, пожалуй, наиболее интересные вопросы. Во-первых, в какой мере повлияла на литературу конца XVII и начала XVIII в. люллианская техника до своего проникновения на Выг? Во-вторых, ограничивалась ли эта техника областью проповедничества или же служила основой и для светского красноречия? С этим связан вопрос: в каких московских кругах люллианская литература бытовала первоначально? Если «Великая наука» принадлежит переводчику Посольского приказа Андрею Белободскому, то «Риторика Люллия», основанная на «Великой науке», уже явно составлена духовным лицом.

Я полагаю, что если заниматься люллианскими сочинениями, то в эту именно сторону следует направить исследования. Пора вместе с тем прекратить в этих сочинениях поиски естественно-научных сведений, скольконибудь адекватно отражающих научные взгляды эпохи.

⁷⁶ Не могу согласиться с Б. Е. Райковым (Очерки..., 1-е изд., стр. 36—39; 2-е изд., стр. 57—59), который затушевывает пункты различия между учением Люллия и учением Аристотеля.

⁷⁷ «Великая наука», ч. III, гл. 3.